

РУССКИЙ ИЗРАИЛЬ

В Л И Ц А Х

Есть в Рамат-Гане, пригороде Тель-Авива, одна маленькая бакалейная лавка. Зайдешь внутрь: первое, что бросается в глаза (помимо непривычного для россиянина изобилия продуктов, приностей, консервов), — большой портрет Игоря Талькова на стене.

Постоянные покупатели-олимы знают уже историю хозяина этой лавки — всегда приветливо улыбающегося, немногословного молодого человека. 28-летний Валерий Шляфман, недавний москвич, выпускник Гнесинки, был последним импресарио Игоря Талькова. Он поселился в Израиле меньше года назад. Вскоре после своего отъезда Шляфман, согласно официальной версии российских следственных органов, был назван подозреваемым в убийстве Талькова.

Беседовали мы с Валерием прямо в его магазинчике, за прилавком, прерываясь, когда подходили покупатели.

— Много времени эта работа у тебя отнимает?

— С утра до ночи...

— Прибыль большую приносит?

— Разумеется. Иначе бы я не сидел здесь, а продал магазин сразу.

— Не всем удается за несколько месяцев отыграть лавку. Тебе что-то помогло?

— Родители, сестра помогла — у нее уже есть два магазина на этой улице.

— Твой отъезд напрямую связан с гибелью Талькова?

— Разумеется. Если бы Игорь был жив, я бы никуда не уехал. После Игоря я не хотел ни с кем работать, да и вообще не хотел уже заниматься шоу-бизнесом. Когда Игоря не стало, мне в этой стране больше нечего было делать. А вторая причина для отъезда появилась, когда следователь Зубарев открыто мне сказал, что они ведут следствие вместе с «Памятью», что «Память» дает ему интересную информацию по поводу настоящего убийцы, что убийца вовсе не Малахов...

— Может это шутка была — насчет «Памяти»?

— Там не шутят. Он постоянно намекал мне, что два свидетеля дали показания против меня. А когда женщина-корреспондент (наверное, она была его личным корреспондентом) спросила, где живут

мой родители, я и ответил — в Израиле, то они переглянулись, и следователь сказал, что мне лучше уехать к ним...

— Получается, твой отъезд был в какой-то мере бегством?

— Почему? Если бы это было бегство, то я пробыл бы подпольно. А я официально, через ОВИР, получил разрешение на выезд.

— Прокруратура могла этому препятствовать?

— А как? Я же не давал никакой подписки о невыезде.

А сейчас следователь звет, будто он просил меня не уезжать. Чистое вранье! Но даже если предположить, что так и было, то что значит — устно сказать: «Я прошу вас никуда не уезжать»? Это глупость. Значит, он плохой юрист...

— То есть приостановить твой отъезд могли, но просто не захотели?

— Я считаю, что да. Чтобы на меня все свалить. Человек уехал в другую страну, с которой нет соглашения о выдаче преступников. Им это выгодно, потому что у них никаких доказательств против меня нет, абсолютно никаких — все чистая вода... Если нет оружия — ведь пистолет разбросали по частям в Мойку, Фонтанку и Неву, — то как можно по траектории пули, чисто теоретически вычислить убийцу? Это абсурд.

— А показания тех самых двух свидетелей?

— Насколько я знаю, им было заплачено очень много денег.

— Имена этих свидетелей известны?

— Мне их не назвали. Но ни один из артистов не верит в то, что это сделал я. Да не то, что не верит — все видели, кто именно стрелял. Но просто боялся сказать правду. Я теперь уже знаю, что за Малаховым стоят не только блатные и мафиозные люди, но и кое-кто из правительства.

— Наши газеты сообщали, что представитель прокуратуры летал в Израиль, чтобы тебя допросить, но местные власти это сделать не разрешили.

— Я ничего об этом не знаю, ко мне никто не обращался. Я уверяю даже, что сюда никто не приезжал. Ну а даже если б приехал — что с того? Как придет, так и уедет.

— Ты бы не стал давать показания?

— Я давно уже все рассказал.

— Думаешь, дело не сдвинулось?

— Оно закрыто. Мне это сообщила Татьяна Талькова, которой я недавно звонил. Следователь ей сказал, что это дело сейчас уже неактуально, есть много других дел, которые гораздо интереснее... Мне,

в общем, все понятно. Делали абсолютно непрофессиональные люди, дилетанты. Если даже прокурор России Степанков во всеуслышание объявляет меня по телевидению убийцей — не подозреваемым, а убийцей! Без предъявления обвинения, без суда... Как он может быть генеральным прокурором, если он настолько непрофессионален? Мои адвокаты сказали мне, что я могу подать в международный суд на несколько миллионов долларов — и прокуратуре придется заплатить мне эти деньги...

— Валерий, поскольку из официальных источников истинны мы все равно уже никогда не узнаем, то рассказывай все-таки, что произошло в «Юбилейном» 5 октября 91 года?

— Ну, опять двадцать пять... Приехали, разместились в гостинице, дали интервью телевидению. Игоря еще тогда спросили, является ли он членом «Памяти», а Игорь сказал, что член «Памяти» — это я, чтобы все записывались ко мне — и показал на мою шестиконечную звезду. Перед концертом узнаем, что появились какие-то изменения в программе. Ведущий говорит: иди разбирайся с директором Азизы. Я пошел его искать, потому что знаю: два импреса-

но бетону, пошли искры. А когда Игорь рукояткой своего газового пистолета бил Малахова по голове — тот выстрелил еще раз, уже в Талькова. Я подскочил, чтобы вырвать пистолет — там патронов не было просто-напросто, раздался щелчок. Когда же я его вырвал — побежал в гримерку, положил на бачок в туалете...

— Зачем?

— Чтобы никто не взял его, не унес, чтобы осталось доказательство... Я просто в шоке находился.

— Когда ты узнал, что стал подозреваемым?

— Месяца через три. Знакомая мне сказала: ходят слухи, что все хотят свалить на тебя.

— Чем ты занимался эти три месяца?

— Ничем. Помогал семье Игоря, ездил на кладбище. Когда следователь попросил меня приехать в Петербург, я узнал, что в этом же поезде хочет ехать группа от «Памяти», и не поехал. Позвонил и сказал, что приеду в другой день.

— А провокации со стороны «Памяти» были?

— Провокации были в первую очередь со стороны вашего телевидения. В одной передаче они сообщили, что я вместе с двумя какими-то те-

распростертыми руками. — Валерий, пусть Тальков не был членом «Памяти», но чем все же объяснить его тягу к этой организации?

— Не было никакой тяги. — А знаменитая фотография, где они в обнимку с Васильевым?

— Я объясню. Игорь рассуждал так: как артист он принимал любое приглашение. Если бы его пригласили Горбачев, Ельцин, анархисты, коммунисты — он пришел бы куда угодно и к кому угодно. Он артист и выступает для людей, а не участвует в политической акции. Так он пришел на концерт-презентацию газеты «Памяти», попросил, чтобы не было никаких фотографий. Но после выступления к нему подошел Васильев, обнял его — и раздалось сразу несколько щелчков. Так появилось это фото. А «Памяти» это очень выгодно. После того, как человека не стало, можно говорить про него все, что угодно — кто это проверит? Так они делают себе рекламу, ведь у Игоря осталось много поклонников среди молодежи. Но даже когда он действительно общался с Васильевым — а такое было, мне Игорь сам рассказывал, — то они говорили не о евреях и не о масонах, а о государстве российском. Причем Игорь прос-

2. ШЛЯФМАН

ро всегда могут найти общий язык, в любой конфликтной ситуации. Малахов с Азизой сидели в баре. У него были странные глаза — или он ширнулся, или курнул... Или по жизни такой. Меня сразу шокировало, как он ко мне обратился. Слушай, Васек, говорит, я — крупный делец тековой экономики, делай, как я скажу, иначе будут осложнения... Когда с ним пришел говорить Игорь, началось то же самое, такой же гонор! «Васек, ты чел...». И когда Малахова уже вывели, когда он вытащил пистолет, начал кричать «Кого положить?», выстрелил — я еще не понял даже, что это настоящее оружие. Сперва выстрелы были

мохранилими несуществующими скрываюся. И когда я приехал на сороковой день на кладбище, меня обступили черносотенцы с португезами, стали допрашивать, почему я скрываюсь... Это был один из первых толчков к отъезду. Потом уже Васильев начал заявлять в интервью, что Тальков убили за то, что он был членом «Памяти», убил Шляфмана, и причем это было ритуальное убийство... А Тальков будто бы отрекся от «Памяти» по договору с Васильевым, потому что сионистские структуры начали перекупать ему выход на телевидение. Очередное вранье — как раз в последнее время лас на телевидении всегда встречали с

то затыкал Васильева глубоко-глубоко, настолько он был умнее и образованнее его...

— Но вашей дружбе это не мешало?

— Нет, конечно. Мне некоторые говорили: он антисемит, как ты можешь с ним работать? А он был моим самым лучшим другом. У нас было такое прекрасное понимание, что мы просто полчаса побыть друг без друга не могли. Вечером мы прощались по двадцать раз, и все равно кто-то из нас перезванивал другому...

— Скажи, Валерий, как ты думаешь: почему Малахову надо было поменяться местами именно с Тальковым, а не с Газмановым, например?

— Вот... Именно поэтому. Нужен был Игорь, а не кто-

то другой. Я убежден, и много раз говорил: это не случайное, а запланированное убийство...

— Кем запланированное?

— Если бы у меня были доказательства, то, может, мне и не пришлось бы уезжать сюда...

— Здесь, в Израиле, ты ощущаешь себя в безопасности?

— Да, в абсолютной.

— А если «Память» сюда придет?

— Пусть попробуют! Если они хотят жить, то никогда сюда не сунутся.

— Ты носишь при себе оружие?

— Этого я не скажу.

— Ну а планы какие?

— Не знаю. Музыкальным бизнесом я заниматься не бу-

ду точно, никогда. Во-первых, здесь достаточно людей, которые уже в этом деле прочно утвердились, все места заняты. Но главное, я повторяю, — после Игоря работать я ни с кем уже не могу. Что касается торгового бизнеса — есть некоторые намерения. Эта страна дает много возможностей...

Максим МАКСИМОВ
Рамат-Ган — Санкт-Петербург.

Фото Вадима МАЛЕВА

От редакции: В материале представлена личная версия Валерия Шляфмана по делу Талькова. Ответственности за нее редакция не несет.